

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ТЕОЛОГИИ И ЕГО СПЕЦИФИКА

М. С. Богославцева, Л. И. Миляева

Ключевые слова: теологический дискурс, религиозный дискурс, модус дискурса, теологическая терминология, денотативное значение, коннотативное значение.

Keywords: theological discourse, religious discourse, mode of discourse, theological terms, denotation, connotation.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–02

В наше время английский язык все более распространен в теологической среде и становится международным языком теологии. Книги со всего мира издаются на английском языке и лишь затем переводятся на другие языки. Для многих людей из неанглоговорящих стран, интересующихся или изучающих теологию, полезно уметь читать и, по возможности, говорить на английском языке, чтобы вступать в плодотворные диалоги в кросс-культурных контекстах.

Английский язык теологии — это специфическая сфера. Теологический язык и теологический, или религиозный, дискурс говорят нечто такое, о чем никакой иной дискурс не говорит [Porter, 1996, p. 17].

Целью статьи является выявление общих особенностей англоязычного теологического дискурса, а также определение и классификация модусов теологического дискурса.

Авторы статьи поставили перед собой следующие задачи:

- 1) описание контрастивных подходов к терминам «религиозный дискурс» и «теологический дискурс»;
- 2) исследование лексического состава английского языка теологии с целью выявления лексических единиц, придающих специфические значения, присущие указанному типу языка;
- 3) анализ и выявление специфических особенностей модусов теологического дискурса.

Материалом для изучения стали религиозные тексты и тексты религиозно-исторической тематики. Предметом исследования являются лексические, синтаксические, стилистические и экстралингвистические особенности англоязычного теологического дискурса.

Как и в случае с самим термином «дискурс», который по-разному определяется лингвистами [Адащик, Ширяева, 2022, с. 17], существуют столь же многочисленные подходы к терминам «религиозный дискурс»

и «теологический дискурс», более того, не существует даже единого мнения о том, следует ли разграничивать эти понятия или это один тип дискурса [Демина, 2021, с. 216].

В. И. Карасик рассматривает религиозный дискурс в рамках институционального типа дискурса, и, соответственно, при таком подходе рассматривается лишь общение (устное и письменное) между религиозным институтом — церковью и ее прихожанами [Карасик, 2002, с. 319]. Однако подобная трактовка религиозного дискурса представляется слишком узкой, так как не включает в себя язык теологии вне рамок институционального дискурса.

Е. Е. Анисимова определяет религиозный дискурс как «совокупность коммуникативных действий, событий, текстов, относящихся к предметной области „религия”, целью которых является: общение человека с Богом; взаимодействие верующих для сохранения, передачи религиозного знания, организации внутрицерковной жизни; поддержание отношений церкви с обществом и распространение веры среди неверующих» [Анисимова, 2019, с. 14]. Представленное определение является более широким, но оно также учитывает лишь религиозную принадлежность коммуникантов. В связи с этим авторы статьи согласны с Ю. В. Романченко, которая выделяет в рамках религиозного дискурса дискурс теологический, представленный несколькими уровнями коммуникации: популярная теология и теолого-теоретический уровень. Соответственно, выделяются две когнитивно-коммуникативные модели в рамках указанного дискурса — общение между теологами / нетеологами и теологами / теологами [Романченко, 2006, с. 128].

С древнейших времен люди поняли, что существует уникальная проблема, связанная с теологическим языком: он претендует говорить о «чем-то», что по определению не может быть выражено словами. Использование языка в других сферах в значительной степени основано на том, что доступно человеческому опыту или человеческой способности к рассуждению. Тем не менее у людей вообще, и у верующих в частности, существовала потребность использовать язык, выражающий нечто недостижимое. Возникают вопросы: что подразумевается под теологическим языком, как такой язык может передать значение и как нам интерпретировать его?

С чисто религиозной точки зрения, теологический язык может быть понятным только в сообществе верующих людей, когда оно (сообщество) приходит к «опыту живой веры», который затем выражается в первичном религиозном языке или дискурсе. Такой религиозный «язык» может быть вербальным и невербальным. К вербальным средствам относятся,

к примеру, молитвы, гимны, писания (нарративы, пророчества, законы, пословицы, мудрые высказывания), литургические формулы. К невербальным средствам относятся: обряды, ритуалы, образы, символы, искусство, музыка и т.д. Как отмечает Е. В. Бобырева, отличие религиозного дискурса от других состоит в том, что в нем невербальная составляющая играет большую, а иногда и превалирующую над вербальной, роль. Поэтому, в то время как другие типы дискурса перестают существовать без слов, религиозный дискурс остается [Бобырева, 2009, с. 55]. Первичные выражения веры, переведенные в концептуальную форму с помощью умозрительной философии, и рефлексия на эти первичные выражения и составляют теологический язык или дискурс [Ramsey, 2011, p. 30].

Для глубокой интерпретации теологических текстов необходимо учитывать специфические характеристики текстов, относимых к теологическому дискурсу.

Авторы в своей статье хотят отметить две области языка, а именно лексический состав и модусы дискурса, которые прокладывают путь к пониманию того, как дискурсивная ситуация создает и передает значение. Конечно, язык, используемый теологами, по большей части тот же, что используется всеми, — это касается и словарного состава, и регулирующих их использование грамматических правил. Но именно функционирование теологического вокабуляра и модусов теологического дискурса дает понимание проблемы значения.

В лексическом составе английского языка теологии нами были выявлены следующие пласты: слова, приобретающие специфическое значение в теологическом контексте; религиозные и теологические терминологические единицы; существительные, обретающие дополнительные коннотации в теологическом дискурсе; библеизмы.

Первый пласт — значения слов, свойственные им только в теологическом дискурсе. Учитывая сложность употребления языка для выражения «невыразимого», как нам интерпретировать теологический язык? Лингвисты сегодня едины во мнении, что значение слов и предложений может быть понято по тому, как они используются в специфических дискурсивных ситуациях. Иначе говоря, выбор определенных языковых средств (вокабуляр, синтаксис, структура текста и т.д.) делается группой людей, связанных с особой областью. У некоторых слов есть значения, специфичные для какой-то определенной дисциплины. Этот аспект использования языка, когда значение зависит от контекста или дискурсивной ситуации, особенно значим в области религиозного или теологического языка.

Так, согласно словарям, слово *autograph* (автограф) в современном английском языке имеет только значение “*a famous person's signature (= their name written by them), especially when somebody asks them to write it for them to keep*” (подпись известного человека (= имя человека, написанное им самим), особенно когда его просят поставить ее на память) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010]. Однако в английском языке теологии оно имеет совершенно другой смысл — “*an original writing of a biblical document. The original manuscript written*” (оригинальный библейский текст) [Slick M. Dictionary of Bible Terms]. Аналогично слово *rapture* (восторг) в толковом словаре определяется только как “*a feeling of extreme pleasure and happiness*” (чувство наивысшего удовольствия и счастья) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010], а в словаре библейских терминов как “*the teaching that those Christians who are alive at the beginning, middle, or end of the tribulation period will be transformed (resurrected) and caught up to meet the Lord Jesus in the clouds*” (восхищение церкви — учение о том, что лишь христиане, живущие в начале, середине и конце периода бедствий, воскреснут и вознесутся на небеса для встречи с Господом Иисусом Христом) [Slick M. Dictionary of Bible Terms]. Слово *revelation* (божественное откровение) в повседневной жизни значит *a fact that people are made aware of, especially one that has been secret and is surprising* (факт, о котором узнали люди, особенно скрытый и неожиданный), а в теологическом контексте — *something that is considered to be a sign or message from God* (божественное откровение — что-то, что считается знаком свыше или божественным посланием) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010].

Помимо слов, меняющих свое значение в зависимости от специфики дискурсивной ситуации, в составе английского языка теологии имеются также особые терминологические единицы, свойственные только этому дискурсу. Среди них есть как общехристианские термины *testament* (завет), *Crucifixion* (распятие), *the Ascension* (вознесение), *baptism* (крещение), так и термины, используемые в православии, — *Theotokos* (Богородица), *Central Church Chandelier* (паникадило), *Iconostasis* (иконостас), *Soleas* (солея). Изучение соответствующей терминосистемы является обязательным для понимания текстов теологической направленности.

Еще одной отличительной чертой лексического состава теологического языка является то, что теологи типично используют имена существительные (например, *faith* — вера, *salvation* — спасение, *grace* — благодать и т.д.), имеющие многочисленные коннотации. Слова — имена существительные могут передавать значение двумя способами: пу-

тем ссылки на что-то специфическое в человеческом опыте (однозначным или денотативным способом) и/или интерпретативной способностью ассоциации, которая опирается на общекультурный опыт (путем коннотации).

В ситуации теологического дискурса слова — имена существительные (а также их производные, например, *salvation* — спасение, *to save* — спасать) имеют склонность функционировать в более коннотативном или неоднозначном аспекте, чем в нетеологическом дискурсе. В области теологии имя существительное *cross* — крест может означать специфический инструмент казни, который использовался в Римской Палестине, или оно может сообщать мирской спектр значений посредством его коннотаций. Например, в предложении: *On Saturday, the day after the crucifixion of the Lord, His disciples and followers were filled with gloom, for they had seen their Lord and Master die, crucified on a cross* (В субботу, на следующий день после распятия Господа, его ученики и последователи были преисполнены печали, поскольку они видели, что их Господь и Учитель умер, распятый на кресте) (Православие. Ru) слово *cross* (крест) используется в денотативном значении — крест как инструмент казни. А в предложении *The Cross may take one of many different shapes, generally according to the national tradition of a particular local Church* (Крест может быть разной формы, обычно согласно национальной традиции, принятой в определенной местной церкви) (Church Building) это же слово обозначает символ христианства.

Это опосредованное использование языка в попытке рассказать о том, что находится вне человеческого разума, простирается и на модус текста, или на «то, как конструируются теологические предложения и аргументы» (“the way in which theological sentences and arguments get constructed”) [Macquarrie, 1994, p. 124].

Описывая лексическую составляющую теологического дискурса, необходимо отметить также библеизмы, т. е. фразеологизмы, истоком которых является Библия. Для многих людей сегодня библеизмы потеряли связь с религиозным контекстом и являются общеупотребительными. Этот факт отмечается в «Словаре лингвистических терминов», где «библеизм» определяется как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [Ахманова, 1969, с. 66].

Другой областью теологического дискурса, требующей детального анализа, являются модусы.

В лингвистике на данный момент нет общего, разделяемого всеми мнения о том, что же такое модус дискурса. Более того, нет также общего мнения о том, какой термин — модус или модальность — следу-

ет употреблять [Копытов, 2012, с. 6]. А.А. Кибрик с оговоркой, что термин «модус дискурса» в современной лингвистике трактуется учеными по-разному, определяет модус как канал передачи информации и выделяет, соответственно, устный, жестовый, мысленный и письменный модусы, а также несколько субмодусов [Кибрик, 2009, с. 3]. В.И. Карасик в рамках институционального подхода к исследованию дискурса говорит об эмоционально-стилевом модусе, или тональности общения. Такой подход позволяет вести речь о серьезном, юмористическом, обычном, ритуальном, информативном и фасцинативном типах дискурса [Карасик, 2015, с. 74].

В данной статье мы опираемся на работы Т.В. Шмелевой, разграничившей понятия модальность и модус [Шмелева, 2008, с. 142–143] и выделившей такие характеристики модуса, как его имплицитность и обладание такими языковыми средствами, как грамматические формы, особые лексемы и ряд конструкций [Шмелева, 1994, с. 25]. Ученый уподобляет модус струнному инструменту, где каждая струна — категория модуса. Зная значение каждой струны, т.е. категории, можно с большей точностью определить скрытые намерения автора текста [Шмелева, 1994, с. 25].

Теологи обычно пользуются одним или более модусами дискурса, которые совместно сообщают их значение. Британский теолог Джон Маккуорри (John Macquarrie) дает следующее определение модуса дискурса: „...mode of discourse refers to the way in which writers construct sentences and arguments, and how they use language to convey the meaning they intend in the particular discourse situation” (модус дискурса относится к способу, с помощью которого пишущие строят предложения и аргументацию, и к тому, как они используют язык для того, чтобы передать то значение, которое нужно, в определенной ситуации дискурса) [Macquarrie, 1994, p. 124]. Среди модусов теологического дискурса Маккуорри выделяет мифический, символический, экзистенциальный, онтологический, метафизический, авторитарный, эмпирический и парадоксальный и т.д. [Macquarrie, 1994, p. 130]. Каждый из этих модусов обладает своими характеристиками, зная которые легче понять значение, заложенное в теологическом тексте. Эти характеристики не схожи с категориями, выделенными Шмелевой [Шмелева, 1994, с. 25], но ее аналогия со струнами остается верной: зная специфические характеристики каждого из модусов теологического дискурса, можно быть готовым к тому, что он передает значение не так, как повседневный язык, что, в свою очередь, гарантирует лучшее понимание текста.

Рассмотрим некоторые модусы теологического дискурса и их характеристики. Основная характеристика символического модуса — исполь-

зование стилистических языковых средств, главным образом метафор. Мифический модус характеризуется использованием слов, передающих действие сверхъестественных персонажей с помощью экспрессивных слов с коннотативным значением, нелогичностью, отдаленностью по времени, значимостью для религиозного сообщества. Метафизический модус использует лексику и концепты, свойственные философии (сущность, бытие, субъект, объект, рациональный и т. п.). Экзистенциальный модус, связанный с философским течением экзистенциализма, или философией существования, использует слова и фразы, описывающие человеческий опыт (прощение, успех, неудача, вина, любовь, горе и т. п.). Тексты, использующие эмпирический модус, приводят эмпирические данные и факты, которые можно подтвердить.

Мифический модус дискурса не очень часто используется современными теологами, но поскольку основополагающий религиозный текст — Библия — написан в основном в данном модусе, разберем его на примере из Книги Бытия (3:1–8). Возьмем отрывок, в котором Змей искушает Еву в Эдемском саду (King James Bible).

Первой характеристикой мифического модуса является присутствие слов, передающих движение / язык действия (*language of action*). В указанном отрывке можно найти следующие действия: разговор Змея с женщиной; женщина сорвала плод, вкусила его, дала мужу; неожиданное осознание; они скрылись от Бога. Сверхъестественными персонажами данного мифа являются Змей (*Serpent*) и Бог (*God*).

Среди слов с экспрессивным или коннотативным значением можно выделить такие, как: вкушать (*ate*) — ведь поедание плода здесь описывается как процесс обретения новых знаний; древо познания (*tree which is in the midst of the garden*) — дерево не является источником знаний; умереть (*die*); открылись глаза (*the eyes of them both were opened*) — не в буквальном смысле, а как метафора пришедшего осознания; знать (*know*); осознание собственной наготы (*they knew that they were naked*); услышали глас Бога (*they heard the voice of the Lord God*).

Логика повествования отличается от повседневной жизни: змеи не разговаривают; вкушение плода не дает знаний; Бог не гуляет в саду, т. е. текст можно описать как нелогичный. Отдаленность по времени проявляется в том, что события описываются как отдаленные от читателя по времени и местоположению. Что касается значимости для религиозного сообщества, данную характеристику не найти в самом тексте, но можно предположить, что столь длительное использование людьми библейских текстов демонстрирует воспитывающую функцию мифа и его роль в формировании ценностей.

Символический модус характеризуется широким использованием слов и выражений с непрямым значением (включая стилистические средства, такие как метафоры), а также использованием символов и аналогий. Данный модус, в отличие от мифического, применяется и в наше время. Так, в энциклике *Redemptor Hominis* Папы Иоанна Павла II можно найти некоторые черты символического модуса. Описывая творческую неутомимость, присущую человеческому духу, Понтифик говорит: “*In this creative restlessness beats and pulsates what is most deeply human — the search for truth, the insatiable need for the good, hunger for freedom, nostalgia for the beautiful, and the voice of conscience*” (В этой творческой неутомимости бьется и пульсирует исконно присущее человеку — поиск истины, неутолимая жажда добра, жажда свободы, ностальгия по прекрасному и голос совести) [John Paul II. *Redemptor Hominis*. 1979]. В приведенном предложении слова и фразы “*insatiable need*”, “*hunger for*”, “*voice of conscience*”, “*beat*”, “*pulsate*” используются в переносном значении, ведь человек физически не испытывает неутолимую жажду и голод, когда ему хочется добра или ощущения свободы; у совести нет голоса; а духовные потребности человека, в отличие от физиологических ощущений, не могут «биться» и «пульсировать» в нем.

Далее в тексте энциклики говорится о том, что церковь стремится увидеть человека «глазами самого Иисуса Христа» (“*to see man...with the eyes of Christ himself*”), хотя у церкви нет глаз, которыми она может смотреть. Институт церкви описывается как “*the guardian of a great treasure*” (хранитель величайшего сокровища), где под «сокровищем» подразумевается человечность.

Характер символического модуса таков, что метафорический перевод англоязычного теологического текста на русский язык требует использования дополнительных языковых средств или иного набора языковых средств для правильной передачи значений в конкретной дискурсивной ситуации. Так, в указанной энциклике мольбы к Святому Духу включают призывы: “*heal our wounds*” (буквально — «исцели наши раны», подразумевается — «исцели наши духовные раны»), “*on our dryness pour your dew*” (буквально — «покрой своей росой нашу сухость», подразумевается — «утоли нашу духовную жажду»), “*wash the stains of guilt away*” (буквально — «смой пятна вины», подразумевается — «омой меня от беззакония моего»), “*bend the stubborn heart*” (буквально — «согни упрямое сердце», подразумевается — «смири непокорное сердце»), “*melt the frozen*” (буквально — «разморозь покрытых льдом», подразумевается — «растопи лед души»), “*warm the chill*” (буквально — «согрей замерзших», подразумевается — «умягчи бесчувственные сердца»), “*guide the steps that go*

astray» (буквально — «направь шаги, сбившиеся с пути», подразумевается — «направь заблудших на путь праведный»).

Также встречаются такие фразы, как: “*to give birth to [so many forms of insatiability in the human heart]*” («порождать [ненасытность человеческого сердца]») и “*appeal ... seems be bearing fruit*” («кажется, обращение приносит плоды»), где «ненасытность человеческого сердца» и «принести плоды» имеют символический смысл.

Следующим модусом теологического дискурса является метафизический. Поскольку метафизический модус во многом опирается на терминологию общей философии, его основная характеристика — это присутствие абстрактных существительных и фраз, обозначающих отвлеченные понятия. На протяжении многих веков именно данный модус был основным в теологических трудах. Однако и в наши дни теологи используют его в своих произведениях.

Так, немецкий теолог, профессор Мюнхенского университета Вольфхарт Панненберг (Wolfhart Pannenberg) в первом томе своей трилогии “*Systematic Theology*” рассматривает вопрос о сущности и существовании Бога и использует следующие лексические единицы, свойственные метафизическому модусу: “*essence*” («сущность»), “*existence*” («существование», «бытие»), “*rationaly know*” («рационально знать»), “*perfection*” («совершенство»), “*unity*” («единство»), “*being*” («существо»), “*infinity*” («бесконечность»), “*knowledge*” («знание»), “*independence*” («независимость»), “*goodness*” («благость»), “*omnipotence*” («всемогущество») [Pannenberg, 2010, pp. 347-349].

Использование указанных выше слов оправдано самой тематикой текста — в своей работе автор рассматривает метафизические вопросы.

Экзистенциальный модус, как и экзистенциализм, или философия существования, описывает существование человека в мире и его переживания. Как и в случае с метафизическим модусом, тексты, написанные в экзистенциальном модусе, используют абстрактные существительные, но фокусируются не на универсальных отвлеченных понятиях, а на словах, описывающих опыт человека.

Профессор Элизабет Дрейер (Elizabeth A. Dreyer) в заключении к книге «*Manifestations of Grace*», говоря о различных аспектах прощения, использует следующие абстрактные существительные, описывающие чувства, поведение и опыт человека: “*acceptance*” («принятие»), “*forgiveness*” («прощение»), “*success*” («успех»), “*failure*” («неудача»), “*death*” («смерть»), “*despair*” («отчаяние»), “*fear*” («страх»), “*slavery*” («рабство»), “*literalism*” («буквализм»), “*legalism*” («фарисейство»), “*beauty*” («красота»), “*joy*” («радость»), “*communication*” («общение»), “*communion*” («общ-

ность»), “love” («любовь»), “courage” («храбрость»), “dignity” («достоинство»), “brokenness” («беспомощность») [Dreyer, 1990, p. 238].

В текстах эмпирического модуса содержатся утверждения, которые можно каким-то образом подтвердить, например с помощью наблюдения. Хотя предметом изучения теологии являются вопросы, связанные с духовной сферой человека, которые, как правило, не могут быть подтверждены фактами с научной точки зрения, теология связана и со сферой человеческого опыта, который приобретает эмпирически.

Теолог и философ Джон Маккуорри в середине XX века определил пять областей, в которых в теологии применяется эмпирический модус [Macquarrie, 1994, p. 232]:

- естественная теология, чья задача постичь природу Бога с помощью разума и опыта человека;
- определенные эмпирические факты об Иисусе Христе как исторической личности;
- для выражения определенного понимания «чудес» и «пророчеств», относящихся к действиям Бога в мире;
- для описания религиозного опыта отдельных личностей;
- наблюдаемые конкретные результаты веры в жизни различных людей и сообществ.

В наше время эмпирический модус используется и для описания актуальных глобальных проблем, которые попали и в поле зрения теологов. Так, австралийский теолог Дэнис Эдвардс (Denis Edwards) поднимает тему экологии в теологии (эко-теологии). Для описания проблем влажных тропических лесов он приводит следующие эмпирические факты и высказывания: “...the destruction of the rain forests is an issue for the global community” (уничтожение влажных тропических лесов является проблемой для мирового сообщества), “forests are being cleared for agriculture and grazing, burned, cut for lumber, and flooded for dams and hydroelectric power” (леса уничтожаются для сельскохозяйственных нужд и пастбищ, сжигаются, вырубаются и затопливаются для дамб и гидроэлектростанций), “seventeen million hectares of forest are destroyed each year” (семнадцать миллионов гектаров леса уничтожаются каждый год), “in one year, an area the size of Austria is cleared of forest” (за один год уничтожается площадь леса, сопоставимая по размерам с Австрией), “The Amazon basin, with its 2.1 million square miles of rain forest, has by far the biggest part of the world’s 2.9 million square miles of rain forest” (В бассейне реки Амазонки с 2,1 миллиона квадратных миль влажных тропических лесов в настоящее время находится большая часть из 2,9 миллиона квадратных миль мировых тропических лесов) [Edwards, 2005, pp. 4-5].

Подводя итоги, можно отметить, что наиболее специфичными характеристиками английского языка теологии являются следующие аспекты теологического дискурса:

- 1) лексические особенности теологических текстов — лексические единицы, имеющие различные значения в теологическом и общепотребительном языках, термины, библеизмы и слова, отличающиеся коннотативным значением;
- 2) семантико-синтаксические особенности теологических текстов — особые характеристики, отличающие различные модусы дискурса.

Библиографический список

Адащик Д. Н., Ширяева Т. А. Таксономия исследований по дискурсивному анализу в современной лингвистике // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15.

Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М., 2019.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Бобырева Е. В. Характеристики религиозного дискурса // *Lingua Mobilis*. 2009. № 3 (17).

Демина Д. А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850).

Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2.

Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск, 2012.

Романченко Ю. В. О понятии «теологический дискурс» // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Самара, 2006.

Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сборник научных трудов, Калининград, 14–30 января 2008 года. Калининград, 2008.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994.

McFague S. *Metaphorical Theology: Models of God in Religious Language*. Philadelphia, 1982.

Macquarrie J. *God-Talk: An Examination of the Language and Logic of Theology*. London: Xpress Reprints, 1994.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth edition. 2010.

Porter S.E. *The Nature of Religious Language: A Colloquium*. Sheffield, England, 1996.

Ramsey I. T. *Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases*. 2011.

Slick, M. *Dictionary of Bible Terms*. URL: <https://carm.org/the-bible/dictionary-of-bible-terms-biblical/>

Источники

Портал «Православие. Ru». URL: <https://pravoslavie.ru/61204.html>.

Church building. URL: <https://www.holytrinityorthodox.com/htc/orthodoxy/what-is-the-orthodox-church/church-building/>.

Dreyer E. *Manifestations of grace*. Collegeville, MN, 1990.

Edwards D. *Jesus the wisdom of God: An ecological theology*. 2005.

John Paul II. *Redemptor Hominis*. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_04031979_redemptor-hominis.html.

King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>.

Pannenberg W. *Systematic theology*. Vol. 1. 2010.

References

Adashchik D.N., Shiryaeva T.A. *Taksonomiya issledovaniy po diskursivnomu analizu v sovremennoy lingvistike*. [Taxonomy of research on discursive analysis in modern linguistics]. In: *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*. [Professional communication: current issues of linguistics and methodology]. 2022. No. 15.

Anisimova E.E. *Religioznyy diskurs: funktsional'nyy i antropologicheskii aspekty*. [Religious discourse: functional and anthropological aspects]. Moscow, 2019.

Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [The dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1969.

Bobyreva E.V. *Kharakteristiki religioznogo diskursa*. [Characteristic features of religious discourse]. In: *Lingua Mobilis*. 2009. No. 3 (17).

Demina D.A. *Teologicheskii diskurs kak osobyy tip diskursa*. [Theological discourse as a special type of discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2021. No. 8 (850).

Karasik V.I. *Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus*. [Discourse interpretation: topic, format, mode]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Science Journal of Volgograd State University]. 2015. No. 1 (96).

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004.

Kibrik A. A. *Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov*. [Mode, genre and other parameters of discourse classification]. In: *Voprosy yazykoznaneya* / [Topics in the Study of Language]. 2009. No. 2.

Kopytov O. N. *Modus na prostranstve teksta*. [Mode in text]. Khabarovsk, 2012.

Romanchenko Yu. V. *O ponyatii "teologicheskii diskurs"*. [On the concept 'theological discourse']. In: *Yazykovaya lichnost' — tekst — diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [Linguistic identity — text — discourse: theoretical and practical aspects of research: proceedings of the International scientific conference]. In 2 pts. Pt. 1. Samara, 2006.

Shmeleva T. V. *Modal'nost' i modus* / [Modality and mode]. In: *Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu: sbornik nauchnykh trudov, Kaliningrad, 14–30 yanvarya 2008 goda*. [Modality in language and speech: new approaches to research: collection of research papers, Kaliningrad, January 14–30, 2008]. Kaliningrad, 2008.

Shmeleva T. V. *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"*. [Semantic syntax: lectures]. Krasnoyarsk, 1994.

McFague S. *Metaphorical theology: Models of God in religious language*. Philadelphia, 1982.

Macquarrie J. *God-talk: An examination of the language and logic of theology*. London, 1994.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth edition. 2010.

Porter S. E. *The nature of religious language: A colloquium*. Sheffield, England, 1996.

Ramsey I. T. *Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases*. 2011.

Slick M. *Dictionary of Bible Terms*. URL: <https://carm.org/the-bible/dictionary-of-bible-terms-biblical>

List of sources

Portal "Pravoslavie. Ru" / [Portal "Orthodoxy. Ru"]. URL: <https://pravoslavie.ru/61204.html>.

Church building. URL: <https://www.holytrinityorthodox.com/htc/orthodoxy/what-is-the-orthodox-church/church-building/>.

Dreyer E. *Manifestations of grace*. Collegeville, MN, 1990.

Edwards D. *Jesus the wisdom of God: An ecological theology*. 2005.

John Paul II. *Redemptor Hominis*. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_04031979_redemptor-hominis.html.

King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>.

Pannenberg W. *Systematic theology*. Vol. 1. 2010.